

СНАЙПЕР

ИГРА СНАЙПЕРОВ

ЧЕРНЫЙ СВЕТ

ЖАРКИМ КРОВАВЫМ ЛЕТОМ

СТИВЕН ХАНТЕР

ЖАРКИМ КРОВАВЫМ ЛЕТОМ

Санкт-Петербург

*Моим братьям Энди и Тимуи, моей сестре Джули,
которые уже знают эту историю,
а также моим детям Джейку и Эми
и детям Джули, Ханне и Саре,
которым только предстоит прочитать о ней*

Моя страна! Америка! Вот что это такое!

Оди Мерфи. В ад и обратно

ЧАСТЬ 1
ВЛАЖНАЯ ЖАРА

ГЛАВА 1

Отец Эрла был настоящим щеголем.

Каждое утро он тщательно брился прекрасно направленной бритвой, застегивал пуговицы чистойшей, накрахмаленной до хруста белой сорочки и завязывал черный галстук-бабочку. После этого накидывал на плечи подтяжки, надевал черный пиджак (у него было семь воскресных костюмов, и каждый день своей сознательной жизни, невзирая на погоду, он натягивал на себя один из тяжелых костюмов плотной шерсти, выписанных по каталогу «Сирс и Робак»), клал в карман коротенькую дубинку, налитую свинцом, прицеплял кобуру с «Кольцом-миротворцем» и значок, засовывал под манжет левой руки «оружие Иисуса», надевал на голову широкополый черный «стетсон» и отправлялся выполнять обязанности шерифа округа Полк, штат Арканзас.

Но сейчас Эрл вспомнил именно о галстуке. Отец гордился своими галстуками и мастерски завязывал их: узлы его бабочек всегда были квадратными, петли банта — идеально симметричными, а концы — совершенно одинаковой длины. «Нужно всегда выглядеть наилучшим образом, — не раз и не два говорил он сыну с той строгостью, которая характеризовала его отношение к жизни. — Старайся всегда выглядеть лучше всех и делать все лучше всех. Никогда не отступай. Никогда не пускай все на самотек. Живи, как велит Библия. Этого хочет Бог. Это все, что от тебя требуется».

Поэтому одной из тех бесполезных вещей, в которых Эрл так прекрасно разбирался, — например, как про-чистить забитый вулканической пылью пулемет «Браунинг А-3» почти на глазах у заседающих японцев, — было умение правильно повязать галстук-бабочку.

Бабочка, которую он сейчас видел перед собой на шее щеголеватого низкорослого человека в двубортном кремовом костюме, была завязана идеально. Сразу становилось ясно, что ее завязывал человек, любящий хорошо одеваться, знающий толк в одежде и получающий удовольствие от ношения своей одежды. Костюм сидел превосходно — между воротником и розовой шеей, равно как между накрахмаленной белой сорочкой и лацканами кремового костюма, не было ни малейшего зазора. Это был энергичный дружелюбный коротышка с маленькими розовыми ручками и свойскими манерами, знакомыми Эрлу с детства: так держат себя фермеры, парикмахеры, аптекари или менеджеры продовольственных магазинов — дружелюбно, но сдержанно, открыто от сих до сих и ни на шаг дальше.

— Знаете, — сказал Гарри Трумэн Эрлу, который смотрел вовсе не в излучавшие силу глаза этого человека, прятавшиеся за очками без оправы, а на безупречно завязанный узел бабочки, две идеально соразмерные петли по обе стороны от него и один свободный конец плотной шелковой ленты бордового цвета, испещренной мелкими синими точками, — я говорил это много раз и готов повторять снова и снова. Я согласился бы променять свой высокий пост на ту почетную награду, которую вручаю вам. Вы, парни, заставили нас гордиться тем, что сделали. Вы были лучшими из лучших и, ей-богу, никогда не подведете нас и впредь. Страна будет в долгу перед вами, доколе она существует.

Эрлу не дали заранее никакого совета насчет того, что отвечать на эти слова, а сам он не смог придумать ничего вразумительного. Умение вести светские разговоры не

входило в число его сильных сторон. Вдобавок он был изрядно навеселе после доброй трети пинты бурбона «Бун каунти», уже успевшего разойтись по всем закоулкам его организма, отчего Эрл несколько смазанно воспринимал события, в центре которых оказался. Он успешно справился с легким пошатыванием, причиной которого было виски, сглотнул слюну и постарался напяречь волю, чтобы еще некоторое время оставаться прямым, как шомпол, и сохранять концентрацию. Никто не заметит, как его развезло, если он будет держать рот закрытым и не выдыхать пары виски. Голова болела. Раны болели. И еще у него было дурацкое предчувствие, что он вот-вот расплывется в улыбке.

— Да, сэр, первый сержант Свэггер, — продолжил президент, — вы — один из лучших людей, которых когда-либо рождала эта страна.

Президент на мгновение зажмурил глаза, словно смагивал самую настоящую слезу. После этого он взял из коробочки, которую держал неподвижно стоявший чуть в стороне подполковник, золотую звезду и шагнул вперед, одновременно разворачивая ленту. Поскольку президент был мелковат по сравнению с шестифутовым Эрлом, ему пришлось чуть ли не встать на цыпочки, чтобы надеть голубую ленту на бычью шею сержанта.

Почетная медаль¹, висевшая на ленте, прикрепленной к темно-синему парадному кителю морского пехотинца, оказалась рядом с орденами и медалями, полностью закрывавшими левую сторону груди: пять Бронзовых звезд, Военно-морской крест, знаки об упоминании воинской части в приказах Верховного главнокомандующего и медаль «За отличную службу». На каждом рукаве ниже локтя красовалось по три нашивки, говорившие о сроке его службы. Ярко сверкнула фотовспышка; от ее неожидан-

¹ Почетная медаль — высшая военная награда США, присуждаемая за особые заслуги. Вручается президентом от имени конгресса.

ного блеска Эрл даже чуть-чуть растерялся, и почему-то в его памяти мелькнуло воспоминание о трассирующих пулях азиатов, которые оставляли в полете бело-голубой след, в отличие от американских трассирующих пуль, оставлявших красный след.

Потом инициатива перешла к капитану морской пехоты, который прибавил церемонии торжественности, зачитав выдержку из постановления конгресса: «За несравненную отвагу, далеко выходящую за пределы требований служебного долга, первый сержант Эрл Ли Свэггер, рота «А» Первого батальона Двадцать восьмого полка пятой дивизии морской пехоты, награждается Почетной медалью за боевые действия на острове Иводзима, Д плюс три, на Чарли-дог-ридж 22 февраля 1945 года».

За спиной президента стояли Смит по прозвищу Воющий Безумец и Гарри Шмидт, два генерала морской пехоты, которые руководили сражениями на Иводземе, затем министр ВМС Джеймс Форрестол и рядом с ним — Джун, жена Эрла, очаровательная, хотя и немного бледная, в цветастом платье, как всегда, красивая, но слегка расстроенная всем происходящим. Не потому, что ее окружали такие великие люди: она боялась того, что до сих пор прозревала в сердце своего мужа.

Президент схватил Эрла за руку и легонько потряс, и непосредственно за этим действием в Картографическом кабинете (так назывался этот зал, хотя в нем не было видно никаких карт — лишь множество предметов старинной мебели, как и в доме отца Эрла) раздались вежливые, не слишком энергичные аплодисменты. Эхом отразившись от стен и картин, они заполнили все помещение, похожее на музей. Дело происходило 30 июля 1946 года. Война закончилась около года назад. Эрл больше не был морским пехотинцем. Его колено почти не работало, а левое запястье все время болело: оба сустава были сильно повреждены вражескими пулями. В теле все еще сидело около тридцати кусков металла. На заднице имелся огром-

ный шрам, похожий на трещину в штукатурке, — память о Гуадалканале. Еще один большой шрам красовался на груди, чуть повыше левого соска, — его он заработал во время высадки на Тараве, преодолевая широкую полосу прибоа под шквальным огнем японцев. Последнее время Эрл работал бригадиром на лесопилке неподалеку от Форт-Смита. Рано или поздно ему предстояло лишиться кисти, а то и целой руки. Так случалось со всеми.

— Так каким вы видите свое будущее, первый сержант? — спросил президент. — Надеюсь, намереваетесь остаться в корпусе морской пехоты?

— Нет, сэр. Слишком много ранений. Левая рука почти не работает.

— Проклятье, до чего же неприятно расставаться с таким замечательным человеком, как вы. Но как бы то ни было, для вас открыты любые пути. Наша страна быстро воспрянет, вот увидите. Как говорится, все еще впереди, а Бог не выдаст. Теперь мы входим в пору нашего величия, и я знаю, что вам найдется достойное место. Вы достаточно навоевались.

— Да, сэр, — ответил Эрл.

Вежливость не позволяла возражать человеку, которым он безмерно восхищался, человеку, спалившему дотла японские города Хиросиму и Нагасаки и спасшему тем самым жизни сотен тысяч американских парней.

И все же он не был согласен с президентом. Он не мог вернуться к учебе, пользуясь так называемым Законом о военнослужащих. Не мог, и все тут. Он не мог заниматься работой, связанной с продажей или необходимостью убеждать кого-либо в чем-либо. Он не мог обучать, потому что молодежь была так глупа, а у него не осталось никакого терпения, совершенно никакого. Он не мог работать на человека, который не побывал на войне. Он не мог стать полицейским, потому что полицейские были похожи на его отца: задиры с дубинками, только и знающие, что орать. Мир, такой заманчивый и добрый для множе-

ства людей, похоже, не позаботился оставить места лично для него.

— Между прочим, — сказал президент, понизив голос и подавшись вперед, — этот бурбон, который вы пили, на мой вкус, пахнет просто замечательно. Я не собираюсь укорять вас. Слишком много идиотов вокруг, чтобы прожить день, не сделав глоток-другой. Должен вам признаться, что это всемирная столица идиотов. Если бы я только мог, если бы я не был должен заседать со всякими комитетами и тому подобным, я сказал бы вам: «Пойдемте ко мне в кабинет, прихватите с собой вашу пинту, и посидим за бутылочкой!»

Президент еще раз пожал Эрлу руку и устремил на него голубые глаза, полные такой силы и пронизательности, что казалось, он мог видеть сквозь закрытые двери. Но в следующий момент между ними волшебным образом очутилось сразу несколько человек, и президент уже шагал в одну сторону, а Эрл — в другую. Эрл даже не видел, кто направлял его движение сквозь собравшуюся в зале толпу, но вскоре оказался перед двумя генералами с таким твердым выражением на лице и взглядом, что их с трудом можно было отнести к представителям рода человеческого.

— Свэггер, мы гордимся вами, — сказал один из них.

— Первый сержант, вы были чертовски хорошим морским пехотинцем, — заявил другой. — Вы были трижды чертовски хорошим морским пехотинцем, и если бы я только мог, то сейчас же переписал бы ваши бумаги и оставил бы вас здесь. Здесь вам самое место. Здесь ваш дом.

Это был Смит — его часто называли «мясником» или «мясорубкой», но он тем не менее сумел разрушить Японскую империю, завалив ее телами морских пехотинцев: другого способа просто не было.

— Спасибо, сэр, — ответил Эрл. — Дело-то в чем: это же мне за всех тех парней, которые не смогли вернуться.

— Носите ее гордо, первый сержант, — скомандовал старик Шмидт. — Ради них.

Затем Эрла снова волшебным образом отнесло прочь, и вскоре он, наподобие пакета, дошедшего до конца ленты конвейера, оказался выброшенным в небытие. Оглянувшись, он увидел, что Джун стоит одна-одинешенька.

Джун была ослепительно хороша, хотя и слегка напугана всей этой процедурой. Она училась на младшем курсе Юго-Восточного учительского колледжа штата Миссури в Кейп-Джирардо, а он был мастер-сержантом морской пехоты, с ног до головы увешанным побрякушками и прибывшим в отпуск перед началом вторжения на внутренние японские острова. Она была красивой девушкой, а он — красивым мужчиной. Они встретились в Форт-Смите на танцах, устраиваемых Объединенной службой организации досуга войск, и поженились в конце той же недели. У них было четыре дня безумной любви, а потом он возвратился на войну, убил еще около сотни японцев, был дважды ранен, проводил на тот свет множество друзей и знакомых и вернулся домой.

— Как дела? — спросил он.

— О, все прекрасно, — ответила она. — Я вовсе не хочу, чтобы кто-то обращал на меня внимание. Это день героя, а не жены героя.

— Я же говорил тебе, Джуни, никакой я не герой. Просто везучий сукин сын, которому посчастливилось не угодить под снаряд, убивший десяток других парней. Сегодня мне дают медаль за везение, только и всего.

— Эрл, ведь ты же герой. Ты должен этим гордиться.

— Знаешь, что я тебе скажу? Все эти люди ничегошеньки не понимают. Они не знают, как все это было. То, как они себе это представляют, и то, за что они дали мне эту штуку, не имеет никакого отношения к тому, что было.

— Ты только не расстраивайся снова.

Среди многих серьезных проблем, которые имелись у Эрла, одна заключалась в том, что у него и у остального мира были диаметрально противоположные взгляды на то, что считать правильным. Из-за этого у него то и дело случались неприятности. С войны вернулось не так уж

много солдат, а поскольку Эрл был большим героем, каждый встречный стремился остановить его, сказать, что он великий человек, и изложить свое мнение по поводу войны.

Он вежливо выслушивал непрошенных собеседников, но каждый раз в его груди закипал гнев. В конце концов он переставал владеть собой, из-за чего произошло несколько весьма неприятных инцидентов.

— Нельзя же все время так сходить с ума, — сказала Джун.

— Да знаю я, знаю. Послушай, похоже, япошки все-таки выиграли войну, судя по тому, что со мной творится. Когда же вся эта пакость закончится?

Эрл привычно шагнул за спину Джун и, используя ее как прикрытие, сунул руку под китель чуть ниже поясного ремня, туда, где его отец носил дубинку, которой колотил по башке непослушных черномазых и дрянных белых парней, и где сам он носил флягу бурбона «Бун канути», чтобы подавлять непослушные мысли.

Он легко извлек ее, отвинтил крышку и поднес горлышко к губам, проделав все это с тем стремительным изяществом, которое позволяло ему, почти не целясь, без промаха попадать с двухсот ярдов по бегущим живым мишеням из простого «Гаранда», положенного рядовому первого класса.

Бурбон оглоушил его, словно упавшая с крыши куча кирпичей. Эрл почувствовал прямо-таки физическое наслаждение: все расплылось у него перед глазами, а то, что терзало душу, показалось более терпимым.

— Эрл, — сказала ему жена, — ты нарвешься на неприятности.

«Да кому какое дело?» — подумал он.

Рядом с ними вдруг возник совсем молоденький — даже без следов щетины на подбородке — капитан морской пехоты.

— Первый сержант, — негромко проговорил он, — примерно через пять минут автомобиль отвезет вас в отель.

У вас будет пара часов, чтобы сложить вещи и поесть. «Рок-Айленд» отходит с Юнион-стэйшн в двадцать ноль-ноль. Купе для вас забронировано, но вы должны быть в поезде к девятнадцати сорока пяти. Автомобиль за вами и вашим багажом подадут к девятнадцати ноль-ноль. Вас это устраивает?

— Да, сэр, — ответил Эрл этому серьезному ребенку.

Мальчишка поспешно отошел.

— Пожалуй, они могли бы приставить к тебе кого-нибудь из ветеранов, — заметила Джун. — Я имею в виду, после всего, что ты для них сделал.

— Все в порядке. Это же просто ребенок. Он не хотел меня обидеть.

Этот молодой человек напомнил ему о многих, слишком многих юнцах, которые служили под его началом и не вернулись домой — или вернулись настолько непохожими на себя, настолько изломанными и изуродованными, что им было бы лучше вовсе не возвращаться.

— Ты должен чувствовать себя счастливым, Эрл. Но я вижу, что ты несчастлив.

— Со мной все в порядке, — ответил он, ощутив внезапную потребность ошарашить себя еще одним здоровенным глотком бурбона. — Просто мне нужно заглянуть в туалет. Как по-твоему, в таком роскошном месте найдется туалет?

— О Эрл, конечно же. Нельзя жить без этого!

Около двери стоял слуга-негр. Эрл обратился к нему и был направлен в противоположный конец зала. Он нашел нужную дверь, захлопнул ее за собой и защелкнул задвижку.

Вообще-то, туалет был ему совершенно не нужен, так что он расстегнул китель, извлек бутылку и сделал огромный глоток. Огонь опалил его нутро, — казалось, послышался даже грохот, с которым бурбон лился по пищеводу, — и Эрл снова почувствовал, как спиртное со всей силой ударило в голову. Еще глоток, и бутылка опустела. Проклятье!

Он взял полотенце, смочил его холодной водой и вытер лоб, отчего засевшая там боль отступила, хотя и не ушла совсем. Когда он вешал полотенце, боль уже вернулась. Пустую флягу он положил в мусорную корзину.

Затем он засунул руку под полу и извлек свой автоматический пистолет сорок пятого калибра.

Это оружие было при нем на Иводзиме, а до того — на Тараве, на Гуадалканале, на Сайпане, на Тиниане. Из него Эрлу тоже доводилось убивать, хотя из «Томми»¹ он застрелил куда больше народу. Однако эта увесистая штука на пояском ремне помогала ему сохранить рассудок. Оружие для него было не носителем смерти, а, напротив, частью жизни. Без оружия человек оказывался беспомощным и беззащитным.

Пистолет, гладкий, с коричневыми пластмассовыми накладками на рукояти и небольшой выпуклой мушкой, был заряжен. Привычным движением Эрл взвел курок и услышал щелчок. Он посмотрел на себя в зеркало: герой, морской пехотинец с медалью на шее, полный любви к своей стране, с любящей женой, с широчайшими перспективами, которые открывает перед ним восхитительная эпоха, вторая половина сороковых годов!

Он приложил дуло пистолета к виску и погладил спусковой крючок указательным пальцем. Так мало нужно, чтобы присоединиться к тем единственным людям, которые были для него важны, к которым он мог испытывать любовь. Большинство давно уже покоилось под крестами на разных дерьмовых островах — о них раньше никогда не слышали и скоро снова забудут.

— Эрл, — донесся из-за двери голос Джун. — Эрл, машина уже пришла. Поторопись, нам пора.

Эрл осторожно спустил курок пистолета с боевого взвода, засунул оружие за пояс, застегнулся, оправил китель, чтобы не было ни единой складочки, и открыл дверь.

¹ «Томми» — пистолет-пулемет Томпсона.